

Никита Петров

«На меня всё говорят: “Ты на яўрейку похожа!”»: Индивидуальное интервью в системе знаний о традиции

Для того, чтобы составить представление об этнических стереотипах, обрядовых практиках, бытующих в определенном регионе, исследователям необходимо провести анализ множества интервью, записанных от людей, имеющих порой совершенно различный опыт рассказывания историй, культурный и социальный бэкграунд. Из интервью вычлняются, а затем и подвергаются очень различным аналитическим процедурам¹ значимые для ученого содержательные сегменты, во многом определяемые как материалом тематического вопросника, так и конкретным интересом интервьюера². В итоге получается публикация, в которой антрополог создает свое и отчасти конструирует мнение читателя о «бытовании традиции» – сложном переплетении отдельных высказываний информантов и нарративных практик локальных субкультур.

Представление о традиции как о чем-то целостном формируется в сообществе благодаря

использованию фольклористами определенного языка – это своего рода неререфлектируемые высказывания, которые приписывают традиции «голос», некую точку зрения. Когда современный исследователь на страницах своих работ говорит о «традиции», он суммирует очень разный социальный и нарративный опыт рассказчиков, однако использует общие места фольклористического стиля. В итоге складывается иллюзорное впечатление, что «традиция» *может говорить о прошлом*³, имеет свою точку зрения, что, конечно, несколько огрубляет реальное положение дел.

Анализ отдельно взятого интервью может дать несколько иной взгляд на т.н. «традицию», показать, как выстраиваются тексты, которые мы называем фольклорными; каким образом частная память и социальный опыт определенного человека выдерживают коммуникативный натиск собирателей-фольклористов с их подчас довольно странными вопросами; как условия коммуника-

Работа выполнена по проекту РГНФ №15-24-01004 а(м) «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире».

*Мария Константиновна Пшонко во время интервью
А.Б. Морозу и Н.В. Петрову (фото Н. Петрова)*

ции влияют на степень развернутости нарратива. Многие рассказчики не имеют навыка монологического высказывания, а большинство текстов представляют собой повествования, родившиеся в диалоге. Публикация собранных нами текстов с учетом этих особенностей поможет исправить описанную выше неоднозначную ситуацию и исправить исследовательскую «оптику».

Перед участниками школы-экспедиции «Сэфера» в Лепеле (23–31 июля 2014 г.) стояла вполне определенная задача: реконструировать историю штетла на основе устных свидетельств и исторических документов, собрать фольклорные тексты о евреях, выявить этнокультурные стереотипы и задокументировать объекты материального культурного наследия евреев региона. Этнографическая составляющая школы – это практическая работа в Лепеле и окрестностях: фольклористы и этнографы расспрашивали местных жителей (Лепеля и их соседей) с целью сбора фольклорно-этнографического материала (текстов устной истории, высказываний, содержащих этнокультурные стереотипы, описаний мифологических представлений, повседневных практик и др.)⁴. Для сбора этнографического материала использовался вопросник «Этнокультурные стереотипы в народной традиции: сла-

вяне и их соседи», составленный в результате обширной экспедиционной практики руководителями и участниками еврейских экспедиций⁵. Всего в вопроснике 104 вопроса, разбитых по семи категориям: I. Местечко; II. Вера и конфессии; III. Семейная обрядность (III.3. Родинный обряд; III.2. Свадебный обряд; III.1. Погребальный обряд); IV. Календарная обрядность; V. Представления о природе и культуре; VI. Народная демонология; VII. Традиционная магия и ведовство.

В рамках этой задачи собиратели работали как заранее договорившись о встрече с информантами (в этом случае они могли очертить коммуникативную и тематическую рамку интервью), так и спонтанно, встретив человека на улице. Именно такое спонтанное интервью было записано Никитой Петровым и Андреем Морозом в Лепеле на «Пятачке» – площади Свободы. Мария Константиновна Пшонко (1935 г.), нарядно одетая, стройная, с хорошей осанкой, сидела на одной из скамеек, расположенных по периметру сквера и ела мороженое в вафельном стаканчике. Мы предположили, что, во-первых, пока для нас безымянная бабушка – местная, во-вторых, что «Пятачок» – ее постоянное место для прогулок. Некоторое время присматриваясь к ней, мы подошли и начали разговор с проявления интереса к «воспоминаниям старых жителей города о самом городе». Мария Константиновна (неграмотная) явно не предполагала, что заезжие собиратели («люди ученые» в ее представлении, сложившемся к середине интервью) будут расспрашивать ее про евреев – жителей Лепеля. Доминантная стратегия рассказывания – автобиографическая: рассказ о собственной жизни, начиная с раннего детства (финская война и эвакуация в Казань, жизнь в работницах у богатых людей) и заканчивая нынешним болезненным состоянием.

Мы стали спрашивать о еврейской странице в истории Лепеля (*Здесь, говорят, евреев много было?*) после того, как Мария Константиновна рассказала «детскую» часть своего биографического нарратива – от эвакуации до возвращения в Лепель (*Нас приютили кой-как, ну, мы поночевали, и меня мама с восьми годов отдала служить – за хлебеца кусочек служила*). Оказалось,

что воспоминания о ее «службе» тесно связаны с памятью об одной еврейской семье, с наблюдениями о праздниках, о домашнем быте, с размышлениями о характере членов еврейской семьи, в которой она работала по дому. Все время сбиваясь с «еврейской» темы, Мария Константиновна раз за разом рассказывала очередную часть своего автобиографического нарратива, вероятно, транслировавшегося ею не один раз – на это указывают отточенность форм высказывания, фразеологические обороты и детализированность конструкций. Ср. фрагменты из рассказа о знакомстве с мужем:

Во какая была, и в лаптях ходила. И в лаптях он меня взял – бедной такой. А так разодел – як королева была! Крепко мужика любила – в лаптях с йим познакомилась, даже имя своё – сказала Нина. Меня Мария звать. Ён скал меня, говорил: «У кого косы?» Чтоб подходил... Ну и запомнил. А я землю мерила ходила вот таким железом, в лаптях была обута, на... онучечки у меня были такие – мама так по рукам бьет, покуда я научилась... Лапти мама сама плела такие – завязывала оборки. И всё делала – вот таки. И такая была красавица, что неграмотная, а уже – лейтенант, он грамотный был.

В то же время начало было положено: видя наш интерес, она встраивала в свой нарратив ситуативные детали, связанные с еврейским текстом:

На меня всё говорят: «Ты на яврейку похожа!». Я была як цыганка, знаете, у меня были косы – до сих пор вот [показывает на ноги] вот до руки моей. Красавица!

Собиратели не раз возвращались к таким цепкам, которые замечали во время интервью, задавая все новые и новые вопросы⁶.

У Марии Константиновны образная и интонационно очень разнообразная речь, особенно это проявляется в текстах, где она повествует про пережитое, автобиографический нарратив характеризуется развернутостью. В процессе рассказывания она транслировала и этнические стереотипы, в редуцированной форме передала сюжет о кровавом навете, о хапуне, и все время обращалась за подтверждением к руководящей

инстанции – собирателям, вероятно, с ее точки зрения, обладающим точным и полным знанием о евреях (*Ну, вы поняли меня?*). Было видно, что это не отточенные нарративы, а с трудом припоминаемые истории, которые она услышала, будучи девочкой, и отдельные противоречивые суждения, выстроенные как с опорой на вопросы собирателей, так и на собственные наблюдения:

[А евреи хитрые были или добродушные?] Да. Добродушные, но хитрые – в крови их что-то было. [А что в крови?] Не знаю. У человека у каждого есть хитрость. Ёсть хитрость так, а ещё в крови – это очень плохие люди – у нас даже такие есть, понимаете? Вот так.

В этом отношении имеет смысл предложенный С. Амосовой вполне операциональный термин *doubt stories* – в противоположность введенными Д. Хаффордом *belief stories* и *disbelief stories*⁷. *Doubt story* – нарратив, сопровождаемый комментариями, которые выражают степень сомнения по отношению к высказываемому представлению, тогда как первые два типа рассказов основаны на уверенности в правде vs отрицании истинности фактологической составляющей истории.

Вероятно, в случае с этническими стереотипами, транслируемыми Марией Константиновной, можно говорить об изменении прагматического статуса материала личного наблюдения, когда нерегулярно пересказываемые персональные свидетельства и материалы наблюдения обобщаются и теряют статус «истории», что, в свою очередь, приводит к изменению статуса текстов от «достоверного» или «недостоверного» к «сомнительному». В то же время нарративы о евреях (в данном случае типизированные воспоминания и квазивоспоминания), излагаемые Марией Константиновной, находились в имманентном взаимодействии с ее жизненной историей.

В этом интервью есть (1) факты биографии; (2, 3) рассказы-воспоминания о евреях, у которых она работала и быт которых наблюдала, собственно этнические нарративы о евреях, о которых она слышала; (4) тексты, которые можно определить как рассказы о фольклоре населения Лепельщины.

(1) Как уже говорилось выше, нарративная стратегия, заданная собирателями в самом начале интервью, располагала к воспроизведению значимых моментов ее жизни, связанных с Лепелем. Таковыми оказались раннее детство, множество братьев, эвакуация, финская война, нищенство, жизнь «в работниках», замужество, болезни (свои и материнские). Четко выстроить жизненную линию путем частных расспросов не удалось – интервью длилось около сорока минут в ситуации некомфортной и для собирателей, и для информанта. Реконструируя эту биографическую последовательность, можно сказать, что отец Марии Константиновны уехал на финскую войну, увез с собой семью. По пути состав разбомбили, часть людей увезли в Казань, девочка осталась без отца. Мать прибавила маленькой девочке 10 лет, написав другую дату рождения (1925 год), чтобы ей давали хлеб по карточкам. В Казани какие-то девочки научили ее просить милостыню, петь песенку по-татарски. Мария Константиновна все время пыталась заработать денег, чтобы кормить больную мать. После трудного возвращения в Лепель (они шли из Витебска пешком) мать отдала ее в услужение в «богатую» еврейскую семью, чтобы прокормиться. Надо понимать, что тогда Марии Константиновне было 8 лет. После рассказа о детстве она вспоминает период, когда работала нянечкой в детском санатории. Вышла замуж за военного. Родила сына (вес при рождении 5200), делали кесарево сечение. Некоторое время жила на Украине, там *играла свадьбу*. Жила в Ташкенте. Развелась. Теперь живет в Лепеле, сильно болеет.

В то же время своего рода *loci communes* представленного автобиографического нарратива, элементами, обрамляющими содержание беседы с Марией Константиновной, оказались высказывания о ее памяти (*Память у меня, деточки, очень хорошая – дай Бог вам в таком возрасте*), нравственной чистоте (*Сгуляла свадьбу и не спала с мужем, с пьяным мужем никогда не спала, а когда работала в санатории, видела уродливых детей, они рождаются оттого, что женщины спят с пьяными. Я грю: «Парень меня поцелует – всё – забеременяю»*), безукоризненном поведении (*всю жизнь прожила, не зная, что*

такое водка и вино), неграмотности (*Мама неграмотная, я только крестики ставлю, я не училась, потому что некогда мне было учиться; Я не знаю свой день рождения, мене мама записала...*), былой красоте (*Была красавица, вышла замуж за старшего лейтенанта*).

(2, 3) Еврейская и вообще этническая тема в этом интервью образует отдельный блок микротем. Это ответы на уточняющие вопросы собирателей, тексты-воспоминания, этнические и профессиональные мемораты и фабулаты в рамках тем «я и евреи», «мы (русские и белорусы) и евреи» «евреи в истории», «характер и поведение евреев», «стереотипы о евреях». Перед нами яркий пример того, как значимые для антрополога тексты этнических стереотипов, транслируемых в локальном сообществе, вплетаются в автобиографический нарратив. «Смычки» этих двух доминирующих тем выстраиваются двумя способами: сначала стереотип, затем проекция этого стереотипа на себя («евреи не едят свинину – я тоже не ем свинину»). Другой способ – следует описание жизненной ситуации, связанной с евреями, затем – суждение «своих», которые приравнивают ее к еврейскому сообществу («работала в еврейской семье – говорили, что я похожа на еврейку»).

Ниже я перечислю и частично прокомментирую эти микротемы.

Первая группа – это нейтральные контекстные воспоминания о евреях в Лепеле середины XX в. Мария Константиновна говорит о количестве еврейских жителей Лепеля, о наличии поляков в городе, об отношении к ней в еврейской семье, о наличии миквы, вспоминает имя рентгенолога:

1. В Лепеле на улице Володарского было много евреев.
2. Поляки тут жили, тут стоит польская церковь.
3. Еврей Салик работал рентгенологом в детском санатории (он ее ругал, когда она разбила колбу).
4. Евреев в ее детстве было мало.
5. Еврейская семья любила ее.
6. У евреев была своя церковь до войны. В войну все разбомбили.

7. У евреев была своя баня. Баня *была за два мосты*, в конце улицы Володарского.

Вторую и третью группы составляют стереотипные суждения о евреях, рассказы об обычаях, обрядах, праздниках, законах, пищевых предпочтениях, поведении, *doubt stories* про кровавый навет и хапуна⁸. Отдельно Мария Константиновна рассказывает о теме Холокоста:

8. Немцы не любили евреев.
9. Евреи были грамотные⁹.
10. Евреи были добродушные, *но хитрые, у них было что-то в крови*.
11. Евреи работали в магазинах.
12. Евреи сами не копали землю.
13. Немцы не любили евреев.
14. Евреи не любили русских.
15. Евреи любят города, они все ученые.
16. Евреи не любили работать.
17. Немцы убивали евреев, потому что те не работали.
18. Евреи очень хорошие люди¹⁰.
19. Евреи очень чистоплотные.
20. Евреи праздновали Пасху и Рождество¹¹.
21. Евреи садятся в круг на Пасху, прилетает птица, хватает одного и уносит¹².
22. Евреи *строили шалашики*¹³.
23. Кровавый навет: в мацу капали кровь¹⁴.
24. На пасху ели мацу, не ели хлеб, говорили: «*Маца-маца, иди до стола, а ты, хлебец, иди в хлевец*».
25. У евреев были *свои* законы, они *по-своему* говорили.
26. Когда рождаются мальчики, евреи их обрезают, *так как такая вера*.
27. В субботу евреи не работали.
28. Евреи не ели сало, свинину¹⁵, ели курятину, котлеты из курятины.
29. Еврейки по-своему *закручивали голову курице*, раздували перья курицы, выбирая получше.
30. У евреев была своя баня, они не ходили в общую баню, говорили, что им *грех с белорусами мыться*.
31. У евреев были мясорубки, стиральная машина.
32. Евреи не пускали на праздники чужих, *праздновали своими*.

33. В субботу свет не зажигают, а днем *все настряпают*. Около дверей что-то висело, но сама не помнит.

34. Похороны евреев: русским под голову подкладывают подушки, *а евреям кладут песок в тряпочку, сляду кладут за тряпочку и под голову*¹⁶. Евреи хоронили своих без гробов, в покрывалах – *хороших и блестящих, там было что-то нарисовано по-еврейски. Вместо крестов стоят колышки*¹⁷.

35. Немцы расстреливали евреев, давали по конфете, потом стреляли.

Вероятно, наиболее существенными для фольклористов окажутся два текста Марии Константиновны, в которых содержится апелляция к детской памяти: запрет есть мучное на Песах, сопровождаемый «внешним» по отношению к еврейской традиции текстом: (*Маца-маца, иди до стола, а ты, хлебец, иди в хлевец*) и рассказ о Хапуне – *птишке*, которая *хопит* евреев на Пасху.

(3) Устных неэтноконфессиональных текстов, показывающих особенности массовой «низовой» культуры Лепельского района Витебской области, в интервью не встречается. Однако Мария Константиновна сама рассказала, что она умеет причитать (*Я плачу – очень як... як песни пою... я умею плакать*), пересказала значимый сон – к ней во сне явился умерший брат без одежды, который попросил хлеба, – после этого она пошла его хоронить и там *плакала*. Кроме этого, встречаются краткие упоминания о календарных праздниках (Великовка, Пасха и Рождество).

Три тематических блока этого интервью переплетены между собой. Если еврейский блок текстов отчасти инспирирован вопросами собирателей, то тексты неэтноконфессиональной тематики Мария Константиновна воспроизводит без малейшего стимула со стороны антропологов. В то же время интересующие собирателей темы спаяны в интервью с жизненной канвой рассказчика, которая и оказывается доминирующей. В целом, это довольно обычная ситуация, когда накопление этнических стереотипов связано с ранним детским опытом информанта. Здесь интересен момент воспроизведения таких текстов.

Анализом этого интервью я хотел показать, насколько важно рассматривать традиционные обрядовые и нарративные формы не только как части «культурного наследия» и «текстов традиционной культуры», но и как высказывания отдельного человека, обладающего собственным культурным и социальным опытом. Нельзя забывать и о наличии профессиональных собирателей, для которых этот человек (дистанцированный «информант») черпает из «резервуара» индивидуальной и коллективной памяти информацию, актуальную для современной аудитории. Возможно, только наличие профессионального собирателя (в том случае, когда воспоминания о еврейском местечке не транслируются, а сами жители давно рассеялись по миру) оказывается тем единственным ситуативным моментом, к которому привязаны ситуации нарративного перформанса.

Приложение 1. Интервью с М.К. Пшонко¹⁸

[Можете рассказать об этом городе?]

Здесь до войны ничего тут не было. Ну как всё было... Папа мой был... когда с Финляндией-то воевали... Помните финскую войну? Мы уехали туда... на Финляндию, там и жили. Папа работал заведующим в совхозе – коров [нрзб]. А я маленькая была, может, мне три годика было, не помню – это уже давно дело было совсем. И вот мы... нас стали бомбить – ночью бомбили. Мы как вот стали в ночных – самых легких рубашечках – так... вагон-то был телячий – закрытый... И ночью нас – раз и стали бомбить. И пихались кто куда, кто куда мох [мог]. Папа мой как нас посадил, в вагон устурнул [sic!], и мы ничего не взяли с собой, а были так богато, каб вы знали, жили... Мама, папа был. Папа был партийный, мой хороший, понимаете. И вот знацит его... А ёго оставили [за] коровами смотреть – осударственных коров много было у ёго, может сто штук. Як погнал ён, погиб, мы не знаем даже где могила, мы ничёго... Ну погиб бязвести, никакой звести не было. А нас... половина вагона разбомбило насмёрть, а половина – оторвался как-то этот поезд и пошел... Нас завезли в город Казань – Татарская республика. Город Казань. И вы знаете, у нас ни баночки, ни кружечки

не было. Мы спросонья лятели – ничёго не взяли с собой. И мы приехали туда, нас вакуировали, ну дали нам там какие-то, ну... Як что наши... квартиры – не дай Бог якие. У нас ничёго не было. Мы на полу спали на голом. Ни накрыться не было [нрзб.]. Это я помню, как сегодня, это же война уже много лет как кончилась як, а я маленькая была – всё помню. Память у меня, деточки, очень хорошая – дай Бог вам в таком возрасте. И мама мне прибавила десять лет. Потому что... а ничёго не было ести, хоть триста грамм нам давали, понимаете, хлебцы? Ну, вы поняли меня. Ни варить не в чем, и мама мне, я вот помню, вот сейчас у меня сумочка, я вам покажу [показывает небольшую сумку]. Вот сшила мне такую торбочку, мама с матерьялы, вярочки... и я ходила по миру. Ну кто что мне дал, кто картошеньку даст, кто муки жменечку. Нашла баночку там где-то, ну, на улице, такую маленьку... Мама моя уже пухла тогда от голоду, и покуда человек не помре, будет, деточка [обращается к собирателю], всё время: «Ести хочу, ести хочу» <...> А я маму свою выходила и сама... И даже, знаете, песню научилась [произносит по-татарски, половину текста нельзя разобрать: «Кольцо на пальце (рука)... Сейчас военное время можно любого любить»¹⁹]. Ходила з ыхними детками, и оны мне кусочек хлеба дадут. И так свою маму выходила. А которые не ходили – все помёрли. И знаете, первым [делом] почки запухают. И все будешь хотеть кушать – просить и просить, пока не помрешь. Не дай Бог. Вот я большое горе видела. И вы знаете, я прожила всю жизнь, не зная, что такое водка или вино – в роте не было кроме водички. И знаете, сколько мне... Мама неграмотная, я только крестики ставлю, я не училась, потому что некогда мне было учиться. Приехали сюды [в Лепель], война кончилась – я пошла тогда служить к врачам. Восемь годов мне было, мама мне дала... служить – за кусочек хлеба. Вот [нрзб.] такой был – [нрзб.], а жена евонная была детский врач. И я за кусочек хлеба работала – верите? Ни справок тогда не было, мы же тогда ничёго не понимали. Неграмотная, неграмотная! Я не могу расписаться – крестики делаю, и всё. И мама мне – она тоже неграмотная, мама, была. Папа был грамотный. Папа погиб – не знамо где. Маме ничёго не давали! У меня девять братов, а я у мамы первая.

[А что Вы пели?]

На татарским. И пели, и все. И воды просила я, ну, девочки меня учили все, там я помню, тогда. И всё. Я по-ихнему песенку спою, уже давно война кончилась, правильно? И они всегда мне давали, дай Бог им здоровья – если бы не эти детки, я б померла. Ну, что мне дадут? Одну картошечку, я почищу, в баночке маме зварю – маму кормила сама кое-как. Думала, я маленькая помру, так мама хоть оживет моя.

[А какого вы года рождения?]

Я не знаю свой день рождения, мене мама записала... ну, потеряли документа. Может, папа где положил. Мы спасали жизни свои, ну как, вот были сонные, пихнули нас в вагон, и я в вагон, и мы не помним. И она мне поставила, знаете, какой год, я вам скажу, я неграмотная, ну вы мне прочитаете. Она мне поставила... ну день рождения моя мама помнила, я родилась тридцать первого декабря. Только день рождения помнила, а ничё не помнила мама... И она меня записала с двадцать пятого года тридцать первого декабря. Вот сколько мне лет – посчитайте, я даже не знаю свои годы. А никому и не говорю, зачем мне... годы свои, а вам скажу <...> И вот, приехали, нам негде было жить, ни копейки. У меня три брата тогда было. Из Витебска шли мы пеши. Босые шли. Вот рядом [?] было... деревня тут богатая, раньше они жили при немцах, они хлеб ели, и всё. А брат... брат меньший был ещё, совсем маленький, дак он говорит: «Мне кушать хочется». Пошла там по миру просила – мне никто кусочка хлеба не дал – мы шли из Витебска голодные. И пришли сюда – всё разбомбито. Ну, а мамин... брат двоюродный жил – как-то дом евонный остался, мама... Всё-таки мама нашла... мама... Всё-таки была память у ей. Нашла мама гэта... Нас приютили кой-как, ну, мы поночевали, и меня мама с восьми годов отдала служить – за хлебеца кусочек служила.

[А служили, что вы делали, по дому убирали?] Не, и деток, мальчика годувала [воспитывала], усё делала, ну я в горе жила, я всё умела. Понимаете, когда горе [?] человеку, надо ж уметь [далее рассказывает о детях – дочка любит выпить, сын живет в Калининграде].

[Здесь, говорят, евреев много было?] Да – это вся будет, дак я ж... [когда] приехала, была вот здесь улица яўрейская. Где я живу – Володарская.

На Павлодарской живу, а там домов тады еще не было наших, я жила в дярвене где-то, не помню – мама [нашла жильё]. А тады приехала сюды в город, я слу... Вот. Да у меня и Салик [?] был яўрей, где я служила, был мужик яўрей – фамилия. Рэнтгент, рэнтгент делал. Салик [?], Салик – фамилия. Я не знаю, дуже я помню ужо – это ж давно было, деточка. И вот я... я разбила баночку как-то нечаянно, дак меня он ругал. Я грю: «Знаете, я вот воды трошкучу горячей налила, а она вот лопнула». А и слава Богу, давали мне хлебца, маму выкормила, братов выкормила – так и вот живу – совсем неграмотная. Работала в детском санатории нянечкой. При советской власти пошла на пенсию – годов много, а стажу нет. Потому что я малая была, я не знала, что надо ж собирать тэи справки – всё я служила, мне никто ничего не сказал – я неграмотная. И мне дали сорок рублей пенсии. И, я каб вы знали, – сильно больна [рассказывает, как ее лечил хирург].

[А евреи, которые здесь жили, они чем занимались?] Их мало было, их [нрзб.] всех. Да, очень мало, мама мне говорила – маленько было. Ну, может, человек пятьдесят было, а раньше ж – раньше их много было, праильно? Ну, говорят, немцы их побиили, я не знаю – всю-то войну не была. Ну, мамина сестра тут была, так рассказывала. Так вывозили – не дай Бог. «А тогды деток, – гърит, – становили [нрзб.] и стреляли их. По конфетине дадут всё туды... и [нрзб.]». Не дай Бог в ту войну-то было. Мама... сестра жила в войну.

[Не знаете, почему немцы именно евреев убивали?] Мне одна женщина сказала ученая <...> говорит: «Их не любили за то, что оны не работали». А правда, я уже и не работаю – скажите мне правду? Не любили работать. [Не любили?] Ну, конечно. Ну то ж мне люди хорошие сказали, она сама грамотная, а я ж неграмотная. Не любили работать. А как вы думаете? А я думаю... а я работница, очень была работница. Я работала – дак у меня и ладошки попухли [нрзб.], ножки были попухли, но врач меня немножко вылечил. Так вот, [нрзб.] – не дай бог.

[А мама когда отдала работать?] Да, говори... праздновали, у йих вот такой праздник был – Паска, наверное. У нас Вяліковка – у йих Паска или как название у яўвреев, я уже и не знаю, деточка. «У нас [нрзб.], – гóвóрит, – у нас... мы садимся, – это жена егонная рассказывала. – Садимся, когда вот и встречаем Паску, садимся, у нас всегда какие-то,

*Мария Константиновна Пионко
(фото Н. Петрова)*

кто-то нас хватал по одному человеку. Как, – говорит, – птица!» Разве можно, ёсть такая птица, что может человека схватить, скажите мне? [Хватала?] Изловила и... всё. И умирал один человек, вот, их примерно пятьдесят человек живёт, ждут – какая птушка прилятит и их схопит [нрзб.]. [Это на Пасху?] На Паску. Это, как гърит, ну всё встречали Паску – как вот, ай, бывает. [Откуда она их утаскивала? Где они собирались?] Они собирались в хате, в хату и куда-то. Ну, форточки были открытые. Вот. Тоже вот всё такие вот: «У нас, – грит, – законы». И оны как хоронятся, я вам скажу. У нас... я приехала, тут жила... несколько яўреев. Значит, яны

как хоронили раньше – слушайте меня. Насыпают пяску у гэтой самой, ну... ай, ну там материала тады в слюда – ну, слюда такая есть. Да, слушайте меня. Насыпают пясочку, даже я была там [нрзб.], я ж знаю где, ихнее кладбище, всё. И мама там похоронена на гэтом кладбище <...> Я часто... тыи люди помёрли которые... я служила, дак я их туды цвяты поставлю, они для мене были хорошие, понимаете, и давали мне одежду, я была совсем плоха... Ну ак – совсем ничего не было у меня. Я их уважала – всё, я яўреев люблю вообще. На меня всё говорят: «Ты на яўрейку похожа!». Я была як цыганка, знаете, у меня были косы – до сих пор вот [показывает на ноги] вот до руки моей. Красавица! У меня муж был военный, я жила в Ташкенте <...>.

А знаете по причине по какой разошлася з мужем? Там сильно большая жара, тут же маленькая свадьба была, а там – он сильно богатый – как это, хохлы высланные были, богатые сильно, слушайте, гуляли там мою свадьбу <...>. Мы раньше ж честны, я... ту свадьбу сгуляла – не спала с мужем – слушайте меня внимательно – з мамой спала. И там приехала, свякровь сказала: «Если ты, деточка, з моим сынком не спала, значит не надо и тут спать». Я грю: «Не понимаю, что такое спать. Я сплю», – говорю. Я не понимала гэтого. Я грю: «Парень меня поцалует – всё – забяременяю». Во какая была, и в лаптях ходила. И в лаптях он меня взял – бедной такой. А так разодел – як королева была! <...>.

[А как евреи хоронят, куда они песок насыпают?] Ну, ак тогда под головку ложат, як мы подушечки ложим русские – понимаете? Ну, вы понимаете меня, под головку ложат и хоронят так... [Песок под головку?] Да. Подушечку, они же в подушку эту сыплють. В тряпочку, в тряпочку, ну, наволочку. [А причём тут слюда?] А слюда – ну, наверное, кабы эт лучше было. Тряпочка згниёт, а слюда ж останется, правда? [То есть слюду клали тоже вот под голову?] Да, да. Перво в тряпочку сыпали, а туды слюду клали. Ну тряпочка згнила, наверное, праильно? В зямле, а слюда – она ж так и будет. Мне так думается, а как вы думаете? Слюда ж она какая-то толстенная. [А не в гробу хоронили?] Яны хоронили бяз гроба, яны хоронили вот в таких, как вам сказать, покрывалах хороших, хороших – блескучие даже были, чего-то нарисовано даже было по-яврейскому, ну, я не умела по-ихнэму, по-яврейскому читать – вообще неграмотная. Ну, у йих другий закон, деточка,

был. Вы понимаете, шо другие законы. [Какие?] Ну вот, оны по-своему молились, по-своему говорили, сами себя любили, русско... белорусску дуже не любили, но меня любили, где я служила. Такая послушная была, понимаете? А мою маму не любили, потому что такая шепурная, а я спокойная.

[А сало они ели?] Не-а. [А почему?] Курей ели [смеется], кўрок, ага. Своих годували, а когда не стало своих – ходили на рынок и покупали. Оны головки не ссекают, что вот как наши, а вот так вот яны как-то закрутят, и всё. Не ссекают. [Закручивали?] Да. А не рэзали. Они крылья как-то... а я не знаю. [А дули в курицу, прежде чем покупать?] Яны дули. А я думали, чего дуют? Я что, выспрашивать... я вообще... Вот принясет жена евонная, жена... Ён купить, она приносит домой, она дула, да. Это помню я. [Дома уже?] Да, дома, дома, дома. [А кто ходил на рынок?] А ёе же работал более. Как-то йим – как получалось, и мужики ходили – когда он работал, когда она пойдёт, дак вот... Раньше в подменок робили. Я в санатории опять отработала... [А сало почему не ели?] Никогда не ели. Если курятину, ели котлеты из кури... из курицы котлеты делали – это вот, послушайте, вот, курочка, мясо обрезают яны, у йих всё такое было хорошее, посуда хорошая, чистополнные – охoho! И электрические были машинки – теперь, говорят, тоже есть – ну, электричеством крутило всё. Оны куратные, что чистополнные, то чистополнные были – это я могу гарантию дать.

[А какие еще у них были праздники?] И Рождество, и праздники эк у нас, только по-своему праздновали. [А как Рождество праздновали?] Ну как? Соберутся компанией, родными, у йих родных много, яны с чужими не связываются, как-то родни... Как у меня – вот десять братьов – вы поймите, какая была. Десять братьов – девять свадьб отгуляла, в роте не было ничего кроме воды. Вот какая я! Мама такой родила меня.

[А был праздник у евреев, где они шалашики строили?] Да, шалашики, я видела, всё видела, як они строили. Но я не понимала, а чё буду спрашивать? Люди ведь не хочут отвечать, правда? Они ж культурные. [А что они там делали в шалашиках?] У йих маца. И будут говорить: «Маца-маца, ходи до стола, а ты хлябец – иди в хлявец!» – три раза так, на Паску. Ну вот. [Как говорили?] «Маца, ходи до стола, – ну, на стол ходи, – а ты, хлябец, иди в

хлявец». Да, яны не ели хлеб. На праздники не ели хлеб. На Паску особенно. О! Это вот мне память это вот. Яны мне этой мацы дали: «На, вот, бабушка... девочка, иди, нехай мама ест». Она вкусная, только соли у ей нет. Ничего нет. Ну как вот – тесто раскатают, и всё. Я у них... тех бывала так. А в Ташке... а хохлы тоже, вот у меня раньше... свекрова станет хохлушка, я... где в Ташкенте жила <...>. Крепко мужика любила – в лаптях с йим познакомилась, даже имя своё сказала: «Нина» [назвалась другим именем]. Меня Мария звать. Ён скал меня, говорил: «У кого косы?» Чтоб подходил... Ну и запомнил. А я землю мерила ходила вот таким железом, в лаптях была обута, на... онўчечки у мени были такие – мама так по рукам бьет, покуда я научилась... Лапти мама сама плела такие – завязывала оборки. И всё делала – вот таки. И такая была красавица, что неграмотная, а уже – лейтенант, он грамотный был. Три звездочки у него было. Старший лейтенант? Я даже не знаю. Знаю, что три.

[А когда мацу пекали, добавляли туда что-что?] Только на одной воде. [Кровь не капали?] Во, кров капали. [Капали? А как?] А так. Ну как они капали? Кто вот столечки [показывает], кто в чашечки маленькие, понимаете, ну как вот. [Чашечки?] Ну вот такие, може, сто грамм. Так яны полностью не... вот столечки капали, я видела. [Куда капали кровь?] Ну туда, в тесто. Когда месили, когда... так катали. Ну, мешали-катали – у них такие катулки были, катулочки, ну – все качали. Раскачают – ну, дак там капелька. А много делали мацы – на четьре дни или на три – много, мешками делали – и всё поядуть. Только одну мацу ели в праздники. И курей даже не ели, не-а. [А кровь они где брали?] А я ж не знаю, где брали [понижает голос до шепота], деточка. Не знаю, я ж не спрашивала. А хто-то... мне сказали – я робёнок, понимаешь? Совсем дитёнок. Я только маме сказала. Вот я служу там у явреев, говорю: «Они, – говорю, – что-то красное выливали». Она гът: «Ну я ж не знаю, как кров, но только ж не человека они выливали, с скотины какой, може, с кабана, може с коровы, которая за...». Понимаете? Они же не резали людей, не брали кров, праильно? Ну лишь бы кров была. Очень хорошие люди, я явреев любила, оны мне, я и говорю, говорили: «Ты... жидовку, на жидовку-то похожа, ты за то служишь у жидов». Я грю: «Знаете что?! Они очень хорошие люди».

[Скажите, а в субботу они работали?] Нет, ничего не робили, у йих как у нас, ну вот как это... У нас так же, не робят, правда? Вечер [?] никто, ничего. Всё раньше как-то готовили. Наготовит... мама, бывало наготовит на три дня... чатыре дня Паску у нас... не знаю, сколько у них дней – Паска, – я вам не скажу. У нас чатыре дня. Чатыре дня мы ничёх... мама настрапает так, кто... кто ели. А уже на пятый день мы ядём. Понимаете? Я свинину сама, не знаю, что такое свиная... свиное мясо... як яўрейка. Я не ела свинину никогда, ну не любила и не ела. Праильно?

[У вас четыре дня Пасху празднуют?] Чатыри дни, да. [Первый день – воскресенье?] Да. [А потом до четверга?] Да. О! [А почему так?] Ну, такой обычай у нас, я ж не знаю, деточка. От Бога, наверное. Праильно я сказала, от Бога. [А у них сколько?] И у них столько ж самое. Только не знаю, ти яны празднуют... я ж в праздники во всякие не ходила как-то... Яны всяго наготовили, мне, думаю, эту... мацу хотела съесть – принясу маме. Не говорила сперва, дак она ела, а потом сказала – мама что-то... ну... чё-то к души ела. Не к души ела, будто там всё кров. Не надо мне было говорить. А я ела, а я... всё ела. Я не боялась ничего. [Так что, в субботу они не работали?] Яны не работали, как вас сказать, они такие грамотные, то в магазинах работали все. Яны землю не копали, понимаете как? Ну, свои, може, копали огородики там... а яны не понимали этого. Зато уж немцы их не любили, и яны знали... [Говорят, в субботу свет зажигать нельзя?] Ну, свет не зажигают, праильно <...> яны ж не работали в субботу.

<...>

А вы знаете, что еще мой трёхгодовалый мальчик живет-то? Тока или в Минску, или в Витебску – в Лепеле уже никого нет. Которые были – все поумирали, много померло там. Ходили на еврейское кладбище, нет? Сходите. Тоже красиво там, и памятники стоять как у нас! [Точно так же?] Да. Так же закапано, вот так. Вот наши на эту сторону, а то на то. Я когда хожу к маме туда, захожу туда. У меня там подружка такая, я с ей дружила очень. Яўречка – дружила. Так я захожу – ей цветик положу – вот так <...> [А кресты у них тоже стоят на могилах?] У них всё памятники стоят. [Кресты не ставят?] Не-а, не знаю, чего. [А почему?] Не знаю.

[Вы когда поминаете, еду носите на могилки?] Да. А батюшка теперь сказал: «Не надо яички ложить», – я к маме часто хожу, но яички не ношу,

потому что ворóнье вот это вот... тягают – только мусор от этого, вот... [А на еврейское кладбище тоже носят?] Ну, кто жива остал... нема же теперь явреев, кто будет? Нет, уже нема. Те, которые пожи... были живы – все поуезжали... то в Минск, то в Витебск – яны любят города. [Города любят?] Да. Ну, они ж ученые все, явреи. Нет неграмотных, таких нет, чтоб крестики ставить, как я. Праильно я сказала? Праильно – они ученые, вот и всё. [А евреи хитрые были или добродушные?] Да. Добродушные, но хитрые – в крови их что-то было. [А что в крови?] Не знаю. У человека у каждого есть хитрость. Ёсть хитрость так, а ещё в крови – это очень плохие люди – у нас даже такие есть, понимаете? Вот так <...>.

А теперь люди что-то не плачут. Померте... Я плачу – очень як... як песни пою... я умею плакать, а яны не уме... «А мы не умеем!». Говорю: «Как, не умеете? Вы ж старые люди, и не умеют?» [Что значит, плачу як песни пою?] Ну, як песни пе... Ну, такие заговоры ёсть. Мне мама научила. По брату плакала, по умершему. Ну, мне жалко, моя кровь. Ну, по чужим я не буду так плакать, праильно? Я девять братьов похоронила <...>. А я уже забыла, а люди уже не плачут. [Рассказывает, как выгнала брата его сестра.] И соснился мне сон, знаете, какой... Я б не пошла даже поминать, дома [бы] помянула, мне сказала одна женщина – я пришла, напилась таблеток от нервности, и вижу сон, что он ко мне пришел, голый – как мама родила – маленький. И просил мене есть. Я говорю: «У меня, браток, ничего нет». Вот чёрного хлеба ему дала – он пошёл. Так мне сказали, что надо идти. Так я туда пошла. В ресторане был стол. Такие, в общем, дай Бог. Я жалостная, понимаете? Самостоятельная и жалостная [рассказывает, как рожала] <...>.

[Мыться куда они ходили?] А у них своя баня была. Они не ходили в общую баню. Говорят: «Грех нам в баню ходить, в общую». Ну примерно, и русские мыются и всякие – они не хотели с белорусами мыться. Ну, у йих своя вера, понимаете? Вы меня можете понять, что своя вера? [А где баня была?] В конце там, далёко, у улицы Володарского – за мосты. Ну, туда, за два мосты. Там притока ли как бы, они знали. Там тоже есть кладбище за мостами – у нас много кладбищ <...>.

Приложение 2. Список заданных во время интервью тематических вопросов (вопросы приведены в соответствии с вопросником)

Представители каких национальностей здесь проживали (и живут сейчас)?

Был ли в местечке особый еврейский квартал (еврейская улица)? Где он находился?

Есть ли в местечке (селе, поселке) церковь, костел, синагога? Что построено раньше?

Была ли в местечке «еврейская баня» (*миква*)? Кто и когда ее посещал?

Чем занимались в местечке (селе, поселке) евреи, украинцы, белорусы, поляки и др.?

Что такое *мезуза*, для чего она использовалась?

Какие пищевые запреты существуют у христиан, иудеев, мусульман?

Почему иудеи (мусульмане) не едят свинину?

Есть ли в местечке (селе, поселке) кладбище (христианское, иудейское, мусульманское)?

Как называются надгробия на еврейском кладбище (народные названия типа *колода*, *болван*, *лопатка* и др.)?

Кого и как принято было хоронить в старину?

Что рассказывают об особенностях погребения евреев, татар и др.?

Какие известны запреты, связанные с субботой? Можно ли было работать, заниматься домашним хозяйством (топить печь, готовить пищу), торговать, отправляться в дорогу? Какие хозяйственные приметы связаны с этим днем?

Как отмечали календарные праздники православные и католики?

Была ли разница в том, что делали православные и католики на Рождество, Крещение, Пасху, Троицу и т.п.?

Чем отличалась христианская Пасха от еврейской Пасхи?

Что делали евреи во время их пасхальных праздников?

Что такое маца? Из чего ее делают? Как используют?

Известны ли рассказы о том, что евреи добавляли в мацу христианскую кровь (как и где они ее добывают, зачем они это делают)?

Что рассказывали о еврейском празднике Пурим

(*жидовские запусьт*, *еврейская масленица* и т.п.)?

Что делали евреи в этот день?

Что рассказывали о еврейском празднике Йом Кипур (*Судный день*, *Судная ночь* и т.п.)?

Что делали евреи в этот день? Есть ли поверье о том, что нечистая сила (*хапун*, *хаптус*, *хаптур*) похищает евреев в этот день?

Примечания

- ¹ Часто это простое суммирование материалов и их обобщение; диахронические и географические сравнения; реконструкция инвариантной текстуры какой-либо обрядовой формы или фольклорного нарратива.
- ² В социальных науках нарративные интервью начали рассматривать как результат контекстуально обусловленной коммуникации между интервьюером и информантом, а не самодостаточный текст, еще в 1970-е гг., хотя констатация общего распространения такого подхода относится к 1990-м: *Fontana A., Frey J. The Interview: from Neutral Stance to Political Involvement // The Sage Handbook of Qualitative Research / ed. by N. Denzin, Y. Lincoln. Sage Publications, 2005. P. 695–729. Отдельные, подчас довольно интересные кейсы коммуникативного акта антропологов и информантов см. в: Антрополог глазами информанта / Информант глазами антрополога: коллективная монография / под ред. А.С. Архиповой, Н.Н. Рычковой. М., 2015.*
- ³ Детально рассматривается понятие «традиции» в небольшой заметке С. Соколовского: «...еще 20–25 лет назад традицией именовалось то, что бытовало в начале XX века, сегодня этот временной срез переместился на 1930-е гг». (*Соколовский С.В. Можно ли определить “традиционную культуру” // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов № 79, май-июнь 2008. С. 54–56.*)
- ⁴ См. предыдущие сборники с материалами экспедиций: *Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копчёнова. М., 2013; Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013.*
- ⁵ См. версию такого вопросника в книге *Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 259–264.*
- ⁶ Список задававшихся вопросов, форма которых в процессе интервью была изменена в соответствии

с коммуникативными условиями, см. в Приложении 2 (вопросы приводятся по вопроснику «Этнокультурные стереотипы в народной традиции: славяне и их соседи»).

- ⁷ Hufford D. J. Traditions of Disbelief // New York Folklore. Vol. 8, No. 3–4, Winter 1982. P. 47–56; Амосова С.Н. «Поймают, убьют, кровь вытягнут и прибавляют в эту мацу»: рассказы о кровавом навете в Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 191–217.
- ⁸ Большинство этих текстов реализует мотивы указателя С. Томпсона и составленного на его основе Указателя антисемитских мотивов С. Белла: A1681.2. Why Jews do not eat pork, V360. Christian and Jewish traditions about each other, V361. Christian child killed to furnish blood for Jewish rite, W110. Unfavorable traits of character—personal, W150. Unfavorable traits of character—social, §BMot P715.1.1.1. Holocaust, §BMot S260.1.2. Jews thirst for human blood, §BMot W111.0. Jews do not work, §BMot W151.0.2. Jews and money, §BMot W197. Jewish people hate others (Bell S. Anti-Semitic Folklore Motif Index. A Thesis submitted in Partial Fulfillment of the Requirement for the Degree of Master of Science in American Studies (Folklore). Utah State University, Logan, Utah, 2009, Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature. A classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books and local legends. Volume 1-6. Bloomington: Indiana University Press, 1955-1958.)
- ⁹ Мария Константиновна позиционирует себя в интервью как неграмотная, тем самым принижая свой статус по отношению к евреям, у которых она работала. Это, в свою очередь, влечет за собой интерпретативные конструкции, выраженные этническими стереотипами. Ср. пассаж, где она апеллирует к общественному мнению в объяснении своего отношения к евреям (*Не любили работать. [Не любил?] Ну, конечно. Ну то ж мне люди хорошие сказали, она сама грамотная, а я ж неграмотная; Я не умела по-ихнему по-яврейскому читать – вообще неграмотная.*)
- ¹⁰ О неантисемитских высказываниях о евреях – ср. цитату из работы М.Д. Алексеевского: «Участники экспедиции в Латгалии, напротив, столкнулись с тем, что большинство выявляемых этнических стереотипов были отнюдь не антисемитскими, а, напротив, «позитивными» (например, информанты говорили о том, что евреи отличались интеллектом, трудолюбием, заботливым отношением к окружающим и т.п.)» (Алексеевский М.Д. «Еврей-
- ский характер» в этнокультурных стереотипах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 19–35.). Появление таких высказываний М.Д. Алексеевский связывает с исчезновением евреев из актуальной жизни информантов, следуя вслед за О.В. Беловой, которая, в свою очередь, пишет, что «в опустевшем культурном пространстве возникает «новая мифология» об ушедшем народе, о тех, кого нет» (Белова О.В. Указ. соч. С. 11–12). Такая позиция предполагает отсутствие позитивных высказываний об инаковом в этноконфессиональном отношении реальном, не исчезнувшем соседе в ситуации интервью, что довольно сомнительно. Вероятно, позитивная и негативная мотивационные модели по отношению к соседям сосуществуют в локальных сообществах, а усиление первой может быть связано, например, с распространением в СМИ и трансляцией сообществу визуальных и вербальных текстов о геноциде.
- ¹¹ Здесь реализуется протипоставление «мы» и «они» (*у нас Вялик, а у евреев – Пасха. Соберутся компанией, родными, у их родных много, яны с чужими не связываются, как-то родни*). Свои и чужие – стереотипы, связанные с праздниками и обрядами жизненного цикла (похороны). Пасха, как и похороны, кладбище, оказываются точками сопоставления «своих» и «чужих» конфессий (*Все раньше готовили, как православные в Пасху. Заранее настряпают*).
- ¹² История о Хапуне – демоническом существе, которое похищает из местечка еврея или еврейку, чтобы растерзать или замучить до смерти (см., например, Белова О.В. Указ. соч. С. 231; Belova O. Legenda o Chapunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim // Podlasie Nadbużańskie – 500-lecie powstanie województwa podlaskiego / Nauk. red. Oleg Latyszzonek. Muzeum Rolnictwa im. ks. K. Kluka w Ciechanowcu. Ciechanowiec, 2013. S. 293–304).
- ¹³ Имеется в виду Суккот.
- ¹⁴ Рассказ о Песахе связан в воспоминаниях Марии Константиновны с историей о кровавом навете. Любопытно, что она противопоставляет себя в этом рассказе своей матери, которая не хотела есть мацу – и, вероятно, являлась носителем этого сюжета. Рассказ о крови в маце инспирирован вопросом собирателей и порождает псевдорационалистские и снимающие конфессиональное напряжение интерпретации – это была кровь какого-либо животного, но не человека (*[А когда мацу пекли, добавляли туда что-то?] Только на одной*

воде. [Кровь не капали?] Во, кров капали. [Капали? А как?] А так. Ну как они капали? Кто вот столечки [показывает], кто в чашечки маленькие, понимаете, ну как вот. [Чашечки?] Ну вот такие, може, сто грамм. Так яны полностью не... вот столечки капали, я видела. [Куда капали кровь?] Ну туда, в тесто. Когда месили, когда... так катали. Ну, мешали-катали – у них такие катулки были, катулочки, ну – все качали. Раскачают – ну, дак там капелька. А много делали мацы – на четыре дни или на три – много, мешками делали – и всё поядуть. Только одну мацу ели в праздники. И курей даже не ели, не-а. [А кровь они где брали?] А я ж не знаю, где брали [понижает голос до шепота], деточка. Не знаю, я ж не спрашивала. А хто-то... мне сказали – я робёнок, понимаешь? Совсем дитёнок. Я только маме сказала. Вот я служу там у явреев, говорю: «Они, – говорю, – что-то красное выливали». Она гът: «Ну я ж не знаю, как кров, но только ж не человека они выливали, с скотины какой, може, с кабана, може с коровы, которая за...». Понимаете? Они же не резали людей, не брали кров, праильно? Ну лишь бы кров была). Кроме того, ср. представления о кровавом навете в Латгалии: Амосова С.Н. Указ. соч.

¹⁵ В интервью рассказчик проецирует стереотип на себя, тем самым связывая свой биографический нарратив с темой, интересной для собирателей (Я свинину сама, не знаю, что такое свиня... свиное мясо... як яврейка. Я не ела свинину никогда, ну не любила и не ела. Праильно?).

¹⁶ Мария Константиновна говорит про еврейские похороны, переводя на понятный ей язык неясные для нее реалии (*насыпят песку, слюду берут*) – см. о языке внешнего наблюдателя еврейских похорон (Амосова С.Н. Представления о «чужих» кладбищах и «чужом» погребальном обряде (на материалах экспедиций 2009–2010 гг. в Ивано-Франковскую и Закарпатскую области Украины) // Традиционная культура. 2012. № 2. С. 20–29; Белова О.В. Указ. соч. С. 184–203). В действительности, из интервью не ясно, наблюдала ли она похоронную церемонию со стороны или только слышала об этом. Ср. тексты о похоронах евреев, записанные от нееврейского населения в Латгалии: Алексеевский М.Д. Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 132–176.

¹⁷ *Крестов там не ставят, там памятники стоят. Вместо крестов ставят какую-то палку, кольишки стояли на кладбище, а потом делали и крестики на кладбище.*

¹⁸ В тексте интервью опущены фрагменты, затрагивающие интимные аспекты биографии М.К., некоторые эпизоды из жизни ее семьи.

¹⁹ Текст перевела Лилиана Сафина, к.филол.наук, преподаватель татарского языка в Татарском культурном центре.